

Блаженнейший Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий архиепископ Никон (Рклицкий)

(Составлено по воспоминаниям и творениям Владыки и по рассказам его бывших подчиненных, сослуживцев и учеников).

Детство.

17 марта 1863 года, в день преподобного Алексия, человека Божия, в дворянской усадьбе, в с. Ватагино Крестецкого уезда, Новгородской губернии, в семье Храповицких, принадлежавшей к старинному русскому роду, родился третий сын – Алексей, наш будущий Владыка – Блаженнейший Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

Отец Владыки, Павел Павлович Храповицкий, прошел курс физико-математического факультета Петербургского университета и посвятил себя деятельности на пользу народа во вновь открытых земских учреждениях. Он был умеренный либерал и не сошелся во взглядах со своими сослуживцами, делившимися на революционеров и крепостников. Поэтому он вскоре оставил земскую службу и поступил сначала в Волжско-Камский Банк а затем по открытии правительством Дворянского и Крестьянского Банка, предназначенного к благоустройству дворянства и крестьянства, незадолго до этого освобожденного от крепостной зависимости, перешел на службу в этот банк. Здесь он не жалел своих сил и здоровья и скончался 58 лет от роду, оставив по себе память человека, славившего своей честностью и благородством.

Мать Владыки – Наталия Петровна, урожд. Веригина – дочь малороссийского Харьковского помещика. Она получила широкое образование с французским влиянием и пользовалась в обществе исключительным уважением за свою чистоту и благочестие. Она любила посещать церкви и монастыри, много молилась Богу дома по большому молитвослову Киевской печати, 17 века и читала своим четверем сыновьям вслух Евангелие. Скончалась она 70 лет, в своем поместье Ватагино.

Когда мальчику Алексею исполнилось 7 лет, его отец получил должность секретаря губернской земской управы в г. Новгороде и вся семья переехала в этот город, сняв большую квартиру в двух шагах от Софийского Собора.

Новгородский Софийский Собор X века – один из самых знаменитых исторических храмов в России. В нем, среди других

святынь, почивали св. мощи великого учителя Церкви святителя Кирилла Александрийского, утвердившего учение о двух естествах Спасителя. Храм этот был средоточием русской жизни при Александре Невском во время покорения Руси татарами. Из него вышли – вдохновитель русской государственности и воспитатель первого Московского Царя Иоанна Васильевича Грозного – Московский Митрополит Макарий и Всероссийский Патриарх великий Никон и он явился главным источником религиозного вдохновения нашего современного Святителя Блаженнейшего Владыки Митрополита Антония.

Все четыре брата Храповицких неопустительно посещали воскресные и праздничные богослужения в соборе, они вскоре узнали по именам всех четырех священников собора, а также живших в этом городе и его окрестностях многочисленных архимандритов, окружив их в своем детском воображении ореолом величия и живо интересуясь всеми особенностями их звания. Вокруг Новгорода было большое число монастырей и все Новгородское духовенство, по словам Владыки, «совершало свое дело с благоговением и с сознанием того значения, которое оно имело в своей совести и в совести наблюдавшего за ними народа». Во главе Новгородского духовенства стоял викарный епископ Феоктист (Старорусский). Алеша Храповицкий издали его обожал и считал его полубогом. Вблизи Новгорода находился монастырь преп. Антония Римлянина. В этот монастырь Алеша в первый раз поехал в 7-ми летнем возрасте вместе со своим отцом, впоследствии он много раз туда ездил сам. Семья также посещала и все окрестные монастыри.

Из детских воспомнаний на мальчика Алешу особенно сильное впечатление оставила находившаяся в их доме фотография восьми иерархов во главе с Киевским Митрополитом Арсением, рядом с которым сидел Сербский Митрополит Михаил. Это была первая архиерейская группа со времени учреждения фотографии в России. Снимок был сделан в 1869 году на 50-летнем юбилее Киевской Духовной Академии. Мальчик Алеша часто любовался на эту фотографию и

предметом его детских грез сделался Сербский Митрополит Михаил, борец за свою Церковь и изгнанник из своей родины.

Из богослужебных чинов, виденных в Новгороде, на мальчика особенно сильное впечатление произвело умовение ног и торжество православия. Четыре брата на все лады воспроизводили дома у себя этот чин. О своих детских Новгородских впечатлениях Владыка в бытность свою членом Предсоборного Присутствия в Петербурге в своей речи 1 июня 1906 года говорил так: «...привезенный родителями из родной деревни в древний священный Новгород я возлюбил Христову Церковь, являвшую в себе божественную славу в древних храмах, в мощах св. угодников и в благолепии архиерейских служений. Не мог я тогда выразить в точных понятиях, но чувствовал своею младенческою душою величие Божие и возвышенную истину нашей веры, открывающуюся в таинственных священнодействиях архиерея. И вот с любознательностью узнавал я все, доступное мне о жизни святых, о священных, церковных чинопоследованиях и о высших церковных санах – епископа, архиепископа, митрополита. «А у восточных, не русских, христиан есть еще святейшие патриархи», разъясняли мне старшие. «Отчего же их нет у нас? – «Были прежде, но упразднены царем Петром Первым». «Для чего»? На этот вопрос следовали попытки разъяснений крайне неопределенных, в которых и тогда мне чуялась неправда...»

Алеша был мальчик любознательный. Он с особенным интересом рассматривал сельско-хозяйственные атласы и между прочим ему страшно захотелось увидеть живых павлинов, неводившихся в Новгородской губернии. Вскоре мечта эта осуществилась, когда он со своей матерью поехал на ее родину в Харьковскую губернию и Владыка сохранил об этой детской мечте трогательное воспоминание на всю жизнь. Путешествие это в Харьковскую губернию было совершено, когда Алеше было семь лет. Алеша ездил с матерью своей и младшим братом. Путь их лежал через Москву, где добродетельная мать Алеши показывала ему Московския достопримечательности. Когда они подошли к Храму Василия

Блаженного, то Алеша остановился перед храмом и воскликнул: «ах, кто мог создать такую невероятную красоту!» Через 40 лет после этого Владыка в своей речи в Москве «Храм славы и храм скорби» разъяснил истинную идею этого гениального сооружения: «Святая Русь должна объединить все восточные народы и быть их водителем к небу».

В Харьковской губернии они проехали мимо главной святыни Восточной Малороссии – Святых Гор, которая Владыка посетил уже в 20-летнем возрасте при своем вторичном путешествии в Малороссию. Благодушный и благочестивый быт малороссов произвел на мальчика глубокое впечатление, но его дорогой Новгород так тянул к себе, что он еле мог дожидаться своего возвращения домой.

Прожив в Новгороде несколько менее года, семья переехала в Петербург, куда отец перешел на службу. Мальчик Алеша особенно заинтересован был тем, что в Петербурге ему придется увидеть трех митрополитов в белых клобуках и он не мог успокоиться – почему же у нас нет патриарха.

Однако Петербург с громадностью своих соборов и с их благолепием не мог заменить Алексею священного Новгорода. Он часто видел во сне Софийский собор с его архимандритами, диаконами и псаломщиками, носившими там длинные волосы и бороду. Мальчик сразу же заметил, что в Петербурге нет высоких иконостасов, что торжественность архиерейского богослужения там умалена, что ему совершенно не удастся видеть Петербургского митрополита, который обычно нигде не показывался и все это печалило его детскую душу.

В Петербурге мальчик стал принимать участие в архиерейских богослужениях в качестве жезлоносца, при чем в канун этих служб он так волновался, что не мог спокойно спать; вдруг ему во сне казалось, что он уронил жезл и он вздрагивал и просыпался.

Гимназия.

9-ти лет Алеша поступил в 5-ую С.-Петербургскую гимназию. Он просил своих родителей, чтобы его отдали учиться в духовное училище, но духовно-учебные заведения, пополнявшиеся преимущественно сыновьями сельского бедного духовенства, не особенно высоко стояли в общественном мнении и Алеша был отдан в гимназию. Один из товарищей Владыки Митрополита по гимназии рассказывает о таком эпизоде, бывшем при переходе Владыки из 1-го во 2-й класс гимназии. Во 2-м классе оставалось несколько второгодников-шалунов, которые встречали своих новых товарищей так: они становились в ряд у дверей и затем каждого входившего гимназиста ударяли толстым латинским словарем. Получивший удар обыкновенно набрасывался на своих обидчиков и к большому удовольствию последних происходила свалка. Когда вошел скромный чистенько одетый мальчик Алеша Храповицкий, его также ударили словарем, но он остался невозмутимо спокоен и обратился к своим товарищам с доброй улыбкой, говоря им, что нехорошо обижать друг друга. Это была как бы первая проповедь будущего Владыки, которая произвела такое впечатление на его товарищей, что они притихли, а Алеша в течение всего гимназического курса пользовался добрым влиянием на весь класс, в котором он держал себя всегда скромно, выделялся своей аккуратностью и успехами и обнаруживал себя во всем, по словам рассказчика, как «врожденный христианин».

Законоучителем 5-ой С.-Петербургской гимназии в это время был просвещенный богослов и благочестивый пастырь Протоиерей о. Димитрий Соколов. Владыка Митрополит сохранил о нем на всю жизнь благодарную память. В гимназии Алеша Храповицкий делал отличные успехи в науках, продолжая в то же время изучать горячо интересовавшую его духовную литературу. Товарищи его полюбили и часто приходили к нему домой, засиживаясь за разговорами на волнующие темы до глубокой ночи. Интересуясь также своим

сельским хозяйством в поместье, куда семья переезжала на каникулы, Алеша, когда ему было лет 15, сделал первый литературный опыт. Именно он написал по собственной инициативе и послал в С. Петербургский Сельско-Хозяйственный журнал две статьи: «Шипуны или мускусные утки» и «Испанские куры». Обе эти статьи были напечатаны, но затем, когда редакция узнала, что их автором является 15-летний мальчик, она прекратила сношения с автором. Зато в церковно-религиозной литературе он настолько усовершенствовался, что в последних классах гимназии самостоятельно написал службу св. св. Славянским просветителям Кириллу и Мефодию, которая впоследствии в 1887 году была одобрена Св. Синодом и вошла в богослужебный обиход.

14 лет Алеша Храповицкий получил разрешение участвовать в архиерейских богослужениях в качестве чтеца и читал на клиросе преимущественно в Исаакиевском соборе, в Александро-Невской Лавре, а также и в других храмах столицы. С переходом в старшие классы будущий Владыка стал серьезно интересоваться русской литературой. Глубокое впечатление на его душу произвел Ф. М. Достоевский, который был в это время в полном расцвете своего великого гения и выступал на литературных вечерах с неописуемым триумфом, восторженно принимаемый русским обществом, особенно молодежью, в первых рядах которой был и Алексей Храповацкий, слушавший Достоевского с затаенным дыханием.

Существует мнение, что будто бы великий писатель написал Алешу в «Бр. Карамазовых» с Алеши Храповицкого. Однако сам Владыка отрицает это, заявляя, что Достоевский лично его не знал. Во всяком случае «Бр. Карамазовы» и другие произведения великого писателя произвели на юношу Храповицкого такое сильное впечатление, что после их чтения он в течение нескольких ночей не мог заснуть и самые творения Достоевского так врезались в память юноши, что потом, в течение всей жизни, он мог цитировать наизусть многие места из его произведений, знал всех его героев и все сложные перепетии их душевных переживаний. Глубокое понимание

Достоевского и преклонение перед его великим гением Владыка пронес через всю жизнь.

Будущий Владыка также слушал на литературных вечерах И. С. Аксакова, В. С. Соловьева, увлекался стихотворениями Майкова, Розенгейма, гр. Ал. Толстого, читал Некрасова, Тургенева. Это были годы пышного расцвета русской литературы.

Скоро Алешей Храповицким заинтересовалось духовенство и дом его родителей стали посещать духовные лица. В этот дом был вхож Архиепископ Николай, знаменитый просветитель Японии, сотрудник его игумен (впоследствии архиепископ) Владимир (Соколовский) и другие Японские миссионеры. Под влиянием рассказов этих духовных лиц об их миссионерских трудах, Алеша загорелся желанием сделаться миссионером и стал было изучать Японский язык. Но затем он убедился в том, что Петербургское и вообще русское общество нуждается в духовном просвещении не в меньшей степени, чем язычники-японцы и поэтому оставил эту мысль.

Проходя гимназический курс, Владыка Митрополит всеми силами своей души стремился получить богословское образование и усердно подготовлял себя к поступлению в духовную академию, в которую был прямо влюблен горячей юношеской любовью («по уши», как говорит сам Владыка Митрополит). Он так этого желал, что не верил, что мечта эта может действительно осуществиться, ему «и жить бы не хотелось без уверенности сделаться студентом духовной академии». Гимназию он окончил с золотой медалью и выдержал экзамен в академию в числе первых из 102 экзаменовавшихся. Он был отлично подготовлен, но так волновался об осуществлении своей мечты, что совершенно не надеялся на удачную сдачу экзаменов и свой прием в академию он сначала в душе объяснял недосмотром экзаменаторов, не веря своему счастью. Ректором академии в это время был высокообразованный и благочестивый Протопресвитер о. Янышев, которому будущий Владыка весьма охотно дал подписку о своей готовности по окончании академии служить в священном сане.

В Духовной Академии и диссертация.

Поступив в академию, молодой студент устремил свое внимание – прежде всего на самый материал богословского ведения, т. е. на науки Св. Писания и Патрологию и на содержание православной религии, черпаемое в богослужении и проповеднической деятельности. В академическом храме ему дорога была каждая ленточка, каждая кадилъница и коврик. В этом храме он с трудом и борьбой налаживал архиерейския богослужения после 17-летнего перерыва, когда призванные на должности ректоров протоиереи избегали архиерейских служений. Затем его излюбленными предметами были философия, психология и логика, что же касается других предметов академического преподавания, то исполняя все, что требовалось по курсу преподавания, будущий Владыка не был ими удовлетворен. Он чувствовал отразившееся на них схоластическое влияние и по мере своего богословского усовершенствования поставил своей целью выдвинуть в православном богословии на первый план нравственный элемент, как главнейшую его основу.

Владыка высказывал, что состояние богословского просвещения в то время, т. е. в 90-х годах прошлого [XIX] века, вообще находилось в упадке. Академические курсы представляли собой малоизмененный перевод руководств римско-католических и протестантских, заменивших еще несколько веков тому назад идеальный строй христианства, как учения о постепенном совершенствовании духа, строем юридическим, в центре которого стояла идея сатисфакции, вошедшая к нам через Киевских схоластиков, находившихся в свою очередь под влиянием католиков и западной философии. Сами академии имели малый запас церковности. Большинство студентов поступали туда не потому, что они предпочитали богословское образование всякому другому, а главным образом потому, что по условиям материальным, не имели возможности поступить в другие высшие учебныя заведения и излюбленными предметами студентов были преимущественно науки светския –

литература и история. По окончании академии большинство посвящали себя преподавательской деятельности в мирском звании, а иерархия пополнялась преимущественно из заслуженных протоиереев-вдовцов. При всем этом Владыка считает, что духовные академии были лучшими учебными заведениями в России.

В академии Владыка также начал свою проповедническую деятельность, которая потом широко развернулась. Владыка за 50 лет своей службы произнес бесчисленное количество поучений во многих городах и странах, проповедуя почти каждый воскресный и праздничный день. Первая его проповедь, как студента академии, случайно попала на глаза покойному Митрополиту Петербургскому Исидору и не была им разрешена для напечатания, хотя изложенные там мысли находились в полном согласии с дальнейшими проповедями Владыки. Это было веяние нового духа, необычное для существовавшего казенного направления мысли. Вторая проповедь была произнесена летом 1883 года в сельской церкви в своем с. Ватагино в годовщину после Сибирской язвы. Проповедь эта была посвящена страданиям детей во время эпидемии. Проповедник призывал любить детей, быть такими же чистыми и невинными душой, как они. Третья – была произнесена в день Богоявления в той же церкви и была посвящена открытой Христом Спасителем Своим пришествием в мир добродетели – смирения и четвертая в академической церкви в г. Петербурге в день юбилейной памяти св. равноапостольного Мефодия. Эти проповеди предопределили всю дальнейшую проповедническую деятельность Владыки во всех своих разнообразнейших темах по преимуществу посвященную раскрытию начал христианской любви, смирения и вопросам церковного просвещения.

Пожелав выдвинуть в богословских науках нравственный элемент и вообще усилить в них христианский дух, Владыка прежде всего направил свой ум к основам объективного познания: философии, психологии и логике. Первый его ученый труд, написанный сначала как кандидатская диссертация, а

затем расширенный и переделанный в магистерскую, был основан, главным образом, на этих трех родственных науках.

Этот труд: «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности».

В этой работе, не получившей еще должной оценки, автор поставил задачей исправить основную ошибку западной науки, заключающуюся в разсудочном отношении мыслителей ко всем исследуемым ими явлениям жизни вообще и душевной в частности. Автор решил описать функции религиозной и вообще внутренней жизни человека так, как они переживаются нами в самом деле, как реальные факты, а не как сухое резонирование по поводу добытых психологических понятий или просто терминов. Для этого автор избрал одну из главных основ мироздания – «свободу воли», наличием которой, по словам философа Ульрици, определяется различие права и безправия, истины и лжи, добра и зла. Автор поставил своей целью всмотреться в душевные процессы, имеющие отношение к свободе, так, как они представляются нашему сознанию, как они реагируют друг на друга и вообще на душевную жизнь. Работа его имеет характер описательной психологии с логическими выводами из нея.

Автор предварительно изучил – европейскую философскую и психологическую литературу по этому вопросу в подлиннике. Главное же внимание уделил изучению германского философа Канта и особенно почитаемого им русского философа В. Д. Кудрявцева.

Логические выводы из этой философско-психологической работы привели к утверждению религиозной истины. Главнейшие из них следующие.

Всякому разумному человеку предлежит выбор между верой в Бога и полным скептицизмом. Законы человеческой мысли требуют признать объективное существование Бога. Эти законы требуют, чтобы за внешним миром была бы признана единая Воля и все бесконечное множество фактов мировой жизни было бы объединено в единой Реальности, которой принадлежит истиннейшее бытие. Творение мира, который вечно существует в Боге, было вызвано по единому побуждению

бескорыстной любви Всевышнего Творца и заключалось в усвоении Богом идеального мира, т. е. своих мыслей, – человеческому сознанию, поэтому человек является центром и целью творения. Человеку предоставлено самостоятельное нравственное бытие. Но область самостоятельности его ограничена готовыми силами природы и данными ему от Бога душевными силами. Человек является самостоятельным субъектом лишь направления своих сил. Ему предлежит свободный выбор между добром и злом. Абсолютность Божества есть абсолютность прежде всего нравственная, абсолютность добра. Зло вошло в мир исключительно по свободному произволению человека, в силу данной ему свободы воли, свободного избрания добра или зла. Войдя в мир, зло разсекло единое благодатное человеческое естество на множество эгоизмов. Единство бытия может быть восстановлено только благодатной любовью. Любовь есть начало, единящее отдельные личности, она заключается в проникновении во внутреннейшее существо любимого человека. В своем сознании мы видим не только себя, свое я, но и Бога Творца. Познание себя и Бога есть деятельное вхождение в свое я и в познаваемый мир. Путь всякого познания определяется реальностью я познающего и я познаваемого, в формы которых принимаются восприятия.

Религия – это область, в которой участвуют все три деятельности души, т. е. воля, разум, чувство. Вера приближается к обычным формам познания и всякое познание должно стоять на религиозной почве. Вера в Бога зависит от веры в реальность нашей собственной личности. На нашем самосознании зиждется все знание и поэтому, исполнив древнее изречение, «познай самого себя», человек познал бы все, что доступно познанию. Весь ход мировой жизни это есть непосредственное воздействие на нее Творческой воли и поэтому должно научиться видеть Господа Бога более близким человеку, ходить перед Богом, искать Его в разумности природы и в своем сердце, видеть Творца тем яснее, чем светлее расширилось, чем глубже проникло знание вещей, чем больше разумности и последовательности открыто в законах природы.

Областью религии должна быть не темная область мира, недоступная пока знанию, но наоборот наука должна быть истинным другом религии и чем больше она постигает природу и ее законы, тем яснее должен быть виден Творец. Господь же Бог проявил всю необъятность Своей Абсолютности тем, что, оставаясь субъектом всех физических явлений, предоставил самостоятельное бытие субъектам явлений нравственных.

Эти логические выводы являются философским обоснованием веры в Бога, любви и смирения.

Замечательная работа молодого ученого должна была засыпать вырытый схоластиками вековой ров между верой и знанием, как чем то несогласным и противоположным и открыть новые перспективы для познания и для религии. Она должна была произвести переворот в философии, психологии и богословии, но в общем она осталась мало замеченной, так как она шла в разрез с господствующим направлением и ее автором был 23-х летний молодой человек. Все же в 1888 году она уже вышла вторым изданием и еще была отпечатана дважды в полном собрании сочинений автора в 1900 и в 1911 годах, так что она теперь в настоящем сборнике появляется в свет в пятый раз.

Для самого же автора работа эта явилась основной философской базой дальнейшей 50-летней научной и церковно-общественной его деятельности. То чувство, которое зародилось у маленького Алеши, когда он слушал Евангелие из уст своей матери, которое затем росло в Софийском Новгородском соборе, возгревалось благочестивым диховенством, питалось неотразимым влиянием Достоевского и росло во всей той обстановке, которую создавал для себя вдохновенный юноша, теперь получило прочную научную базу.

Святейший Патриарх Сербский Варнава 22 июня 1930 года в своей памятной речи в Русской Церкви говорил: Митрополит Антоний «это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви Христовой в начале христианства». Действительно, иерархи первых веков, особенно золотого века христианства, – когда высочайшие истины нашей веры излагались в тончайших понятиях, – предварительно изучали всю современную им

мудрость и, отстраняя заблуждения человеческого ума, отыскивали объективную истину, в согласии с которой и утверждали свои богословские формулировки. Подобно этому и богословская мысль Владыки в своем дальнейшем развитии была самостоятельна и ярка. Она опиралась на Св. Писание, святоотеческие творения и на объективные логические выводы. Владыка горячо верит в истину, всегда был сторонником свободного исследования в богословской области, в жизни был и остается светлым оптимистом, заботясь лишь о добром направлении воли своих питомцев. Его аскетизм, т. е. взгляд на жизнь, как на подвиг самоотречения, был светлый и радостный, а его взгляд на христианство, как на отказ от наслаждений, является проповедью освобождения души для ее нравственного совершенствования. Вместе с тем Владыка взирал на католичество и на протестантизм и на другие западные ереси не как на разновидности или ветви христианства, а как на глубокое искажение основной идеи христианства во взглядах на жизнь и на отношение к ней. Он утверждает, что во всех этих ересь аскетический взгляд на жизнь, единственно законный для христианина, подменен взглядом утилитарным.

Подобно тому как в гимназии юноша Храповицкий любил своих товарищей и имел на них большое влияние и в Академии образовался кружок студентов, но поставивших уже определенные цели – посвятить себя деятельности по возрождению русского монашества и по восстановлению канонического строя Русской Церкви, лишенной своего главы – Патриарха и благодаря этому стесненной в своем развитии. Главными вдохновителями этого кружка были студент Грибановский (впоследствии Епископ Михаил, скончавшийся в молодости от туберкулеза в Крыму) человек замечательного ума, образования и способностей и студент Храповицкий. Епископ Михаил скончался в 1898 году и перед смертью он вручил прибывшему к его смертному одру Епископу Антонию, нашему Владыке, свою панагию в залог осуществления их юношеских стремлений. С этой панагией, неблиставшей никакими ценностями, наш Владыка никогда не разставался и

свое светлое знамя, поднятое в студенческие годы, пронес через все свое 50-летнее служение.

Студент Храповицкий не знал пороков и никогда не отдавал своего сердца никаким обычным юношеским увлечениям, всю силу своей богато одаренной души он посвятил Церкви и поэтому он с особой силой познал значение сострадательной любви, переживая ее в своих отношениях к товарищам, а впоследствии в своем отношении к питомцам, к своей пастве и к Русскому народу. Покидая впоследствии академическую службу, Владыка, говоря о своей любви к своим студентам, писал им: «довольно ясно я представлял себе содержание жизни райской, когда вел с вами такие беседы в академии ... с надеждою (буду) ожидать встречи в жизни будущей, где уже не будет разлуки, где ничто не помешает нам без конца беседовать о славе Божией, о мудрости Его откровений и о святости Его судеб». Итак, черпая из Св. Писания и из святоотеческих творений учение о благодатной любви, как главном основании христианства, Владыка укреплялся в этом сознании опытом своей личной жизни, начиная от дней юношеских и до последних годов своего служения.

Принятие монашества и первые годы службы.

Через 4 дня после окончания Академии – 18 мая 1885 года Алексей Павлович Храповицкий в г. Петербурге в академической церкви принял монашество. Пострижение совершил ректор академии епископ Арсений, который, как происходивший из вдовых священников, монашества в общем не долюбивал. 12 июня монах Антоний был рукоположен в диаконы, а 30 сентября в иеромонахи, получив назначение преподавателем Холмской Духовной Семинарии.

Иеромонах Антоний должен был покинуть Петербург, где вместе с отъездом за границу начавшего болеть его лучшего друга иеромонаха Михаила (Грибановского) распадалось их монашеское братство и ближайшее будущее в маленьком «польско-жидовском городке» представлялось молодому иеромонаху самым мрачным. Он уезжал со щемящим сердцем. Первым радостным событием на его служебном пути был приезд в Киев, в котором впоследствии ему суждено было быть митрополитом. Об этих впечатлениях Владыка говорит так.

«Наш поезд бежал мелкоколесьем и глаза мои с нетерпением ожидали момента, когда же откроется понарама города. Наконец, мелкоколесье окончилось и вдруг перед моими глазами открылся на берегу широкого Днепра как бы состоящий из золотых куполов обширный город, облитый лучами южного солнца. Зелень садов, вкрапленных между бесчисленными золотыми главами церквей довершала волшебную картину. Впечатление получалось такое, что город спускается навстречу тебе с неба подобно апокалипсическому Иерусалиму в 20 главе Апостола Иоанна». На вокзале у него была неожиданная радостная встреча с дорогим другом иеромонахом Михаилом, затем всенощная с неподражаемыми Лаврскими напевами, свидание с маститым Киевским митрополитом Платоном, беседа с обожаемым Сербским митрополитом Михаилом, свидание с высокопросвещенным епископом Сильвестром, ректором академии – это первое впечатление на всю жизнь привязало молодого иеромонаха к священному Киеву.

«Польско-жидовский Холм» не оправдал мрачных опасений о. Антония и жизнь преподавателя сразу же создала радостное и нежное настроение души, сердце его воспламенилось миссионерской ревностью среди униатов, а семинаристы настолько горячо его полюбили, что вскоре последовавший его перевод в Петербургскую Академию только на половину мог утешить молодого энтузиаста.

В начале 1886–1887 уч. года иеромонах Антоний после защиты своей магистерской диссертации. – «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности» – был избран в доценты Петербургской Духовной Академии по кафедре Ветхого Завета. Здесь он опять вступил в общество дорогих друзей во главе с архимандритом Антонием (Вадковским) впоследствии С.-Петербургским Митрополитом. Здесь о. Антоний кроме своих научных и педагогических занятий усиленно принялся за разработку возлюбленной им с детства идеи о восстановлении Патриаршества в России. В числе студентов академии был в это время Василий Белафин будущий Всероссийский Патриарх Тихон, который при своем избрании на Патриарший Престол в 1917 году засвидетельствовал, как в бытность его студентом группа наставников и больше всех их иеромонах Антоний в своих беседах со студентами постоянно говорили о необходимости восстановления в России патриаршества и Патриарх Тихон тогда поздравлял Владыку Антония с осуществлением его юношеских грез.

В Петербургской Академии Владыка должен был более близко соприкоснуться с состоянием библейской науки, которое его не удовлетворяло. Он сравнивал ее с подобием «повапленных гробов» и рекомендовал ей отказаться от «тех совершенно ненаучных и произвольных *основоположений*, на которых бессознательно зиждется современная мысль и ради которых она плодит и затем уничтожает новыя и новыя гипотезы, как Хронос своих злосчастных детей». Мысли эти вместе с указанием того пути, по которому должна идти библейская наука, были изложены молодым ученым в специальной статье, появившейся в печати уже в Москве в 1891

году «О правилах Тихония (Донатиста) и их значении для современной эзегетики», а несколько ранее ее в 1890 году появилась статья Владыки: «Толкование на книгу пророка Михея», написанная по поручению академической корпорации и изданная отдельным изданием в 1890 году.

Кроме академических занятий молодой иеромонах развил в столице широкую богослужебную и проповедническую деятельность, посещал тюрьмы и больницы, при чем на его долю выпадало частое посещение душевных больниц. Он принял также деятельное участие в работах общества религиозно-нравственного просвещения, в котором выступил с рядом докладов, делавшихся в зале Городской Думы. Особое внимание обратили на себя доклады: «Что следует разуметь под спасающей верой» и «Учение божественного откровения о спасительном значении слова Божия», а также и другие. В это же время о. Антоний начал печатать в различных журналах свои статьи, первоначально под псевдонимом: «С. С. Б.» (служитель слова Божия). Особенно интересной была статья, появившаяся в 1898 году в журнале: «Русское Дело» – «Общественная жизнь и духовенство».

Пылкая деятельность о. Антония, конечно, не могла не натолкнуться на препятствия в консервативной среде. Молодой доцент выступает однажды за защиту целого курса и в результате он должен был оставить так блестяще начавшуюся академическую службу в высшем учебном заведении и получил почетное назначение на должность ректора С.-Петербургской Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита. Это было в 1889 году. На этой должности он пробыл всего лишь 4 месяца, а затем в 1889–1890 уч. году, имея от роду всего лишь 27 лет, он был назначен ректором Московской Духовной Академии, в 200-летней истории которой это был первый случай назначения столь молодого ректора. С радостным чувством и светлыми надеждами ехал о. Антоний в уединенную Московскую Академию, находившуюся в Троицко-Сергиевской лавре, в 60-ти верстах от Москвы. Здесь он надеялся найти полную свободу от всего кроме академического дела и науки, для которой он задумал ряд работ.

Молодой ректор свое вступительное слово говорил в день Богоявления – 6 января 1891 года и посвятил его вопросу о том, какими средствами усовершенствуется общественная жизнь. Это было развитие тех же идей, которые когда то излагал студент Храповицкий в своей речи в сельской церкви в 1883 году и которые затем философски обосновал иеромонах Антоний в своей диссертации. Но теперь эти идеи были вооружены не только всей силой созревших научных познаний проповедника, но и опытом его пастырской деятельности. Молодой ректор утверждал, что общественная жизнь может усовершенствоваться и достигнуть действительного прогресса только – смирением и самоотречением, началом открытым Господом в день своего Богоявления и дотоле неведомым естественному миру.

В словах этих заключалась программа деятельности молодого ректора.

Ректор Московской Духовной Академии.

Московская Академия, осведомленная о необычных талантах восходящей на русском церковном горизонте яркой звезды, встретила Архимандрита Антония дружелюбно и доверчиво. В составе ее были такие блестящие умы, как знаменитый философ В. Д. Кудрявцев, выдающийся церковный историк Е. Е. Голубинский, и знаменитый историк В. О. Ключевский, а также другие ученые. Московский митрополит Леонтий также отнесся сочувственно к молодому ректору, который между прочим стал записывать и подготавливать к печати поучения старика Митрополита, произносившиеся в Московских храмах, к большому удовольствию последнего, заявлявшего, что проповеди его в печати выходят еще лучше, чем при произнесении их.

Сообразно со своими воззрениями ректор в систему своей педагогической и воспитательной деятельности вносил нечто совершенно новое. Отношения свои к студентам Архимандрит Антоний строил на любви к ним, на свободном их послушании, на общей готовности к подвигу и на пробуждении их любознательности. Впоследствии Владыка говорил, что, когда в августе месяце к нему являлись молодые люди с заявлением о своем желании поступить в академию, то он проникался к ним такой горячей любовью, как родительница проникается любовью к родившемуся дитяти, как только его поднесут к ней и скажут: «вот твое дитя».

«Любя вас, писал впоследствии Владыка своим студентам, не обычной человеческой привязанностью, но прозирая каждого из вас в его борьбе с грехом и порождаемым грехом сомнениями, в его постепенном восхождении к совершенству, я вдохновлялся не только надеждою вашего собственного спасения, но чрез вас, как благовестников Евангелия, я чувствовал свое единение со всею Кафолическою Церковью, со всею Вселенною».

Новый ректор стал приглашать студентов к себе в квартиру на чай, во время которого обсуждались самые разнообразные

вопросы академической и научной жизни. Обычно ректор с доброй улыбкой обращался к студентам с вопросом: «ну, братцы, что нового в науке, литературе и жизни?» и далее шло широкое и свободное обсуждение, критиковали новейшие произведения богословской литературы, говорили об общественной жизни и ее событиях и т. д., ректор угощал студентов вареньем, которое ему присылала мать из с. Ватагино и чаще всего именно здесь, за столом, уловлялись молодые люди в сети монашества и в их сердца западали искорки благодатной любви, которые заставляли их следовать по стопам своего учителя. Это был так сказать кружок интимных друзей, в который о. ректор приглашал студентов, обративших его внимание на себя. Всех же студентов он часто задерживал после общей вечерней молитвы и устраивал с ними беседы главным образом по вопросам, возбуждаемым их поведением, а также замечаемыми в их среде течениями мысли и настроениями. Далее о. ректор разрешил студентам широко пользоваться всей литературой, не исключая запрещенной заграничной пропагандной литературы и лишь только литература порнографическая не могла иметь доступа к студентам. В их же читальнях свободно лежали печатные органы галицийских украинофилов, возбуждавшие украинский сепаратизм и подобного рода отрицательная литература, даже некоторые из заграничных Толстовских изданий. Все это не производило на студентов того впечатления, на которое была рассчитана эта литература. Архимандрит Антоний также часто советовался со студентами по хозяйственным вопросам академической жизни, при чем среди студентов часто находились большие знатоки хозяйства и давали дельные советы о. ректору, который, конечно, мало имел склонности к хозяйственным вопросам, но считал их общим делом всей академической семьи.

Молодые сердца студентов не могли не ответить широкой отзывчивостью на исключительное, доброжелательное к ним отношение. Многие из них поверяли своему ректору свои сокровенные думы и самая мысль о нем часто удерживала их от тех или иных падений. Владыка же на своих питомцев всю

жизнь продолжал смотреть, как на студентов. Так часто, встречаясь уже в самые последние годы с каким-либо 60-ти летним убеленным сединами старцем, Владыка с улыбкой обращался к нему, как студенту.

Такое отношение к питомцам требовало большого напряжения духовных сил, однако Владыка при этом развивал и широкую ученую деятельность. В Московской Академии им были начаты сочинения, посвященные выяснению нравственных идей наших догматов св. веры. Во время празднования 500-летия со дня блаженной кончины преподобного Сергия Радонежского – 26 сентября 1892 года Архимандрит Антоний произнес речь: «О нравственной идее догмата Пресвятой Троицы». Это сочинение имело своей целью показать теснейшую связь, существующую между догматическими истинами православной веры и добродетельной жизнью христианина. Выводом этой работы было утверждение автора, что «православное учение о Св. Троице является метафизическим обоснованием нравственного долга любви». Учение иеромонаха Антония о свободе воли, открывшее перед ним сокровищницу философских познаний и приведшее его к объективным выводам, подтверждавшим его религиозное чувство, проникновение его в Св. Библию и в святоотеческие творения дали ему возможность провести свободную и смелую линию, соединяющую философскую область с богословской и тем положить в основу богословской науки новое и при том истинно церковное основание – в виде всесовершенной благодатной любви. 26 сентября 1892 года – день произнесения этого доклада и должен почитаться днем основания новой эры русской богословской науки, в которой был выдвинут затемненный доселе моральный принцип. Работа эта была напечатана в «Богословском Вестнике» в 1892 году за ноябрь месяц. В дальнейшем автор предполагал сравнить свои положения по святоотеческим творениям и для этого предпринял обширное исследование латинских и греческих фолиантов святых отцов, но за множеством одолевавших его забот труд этот остался незаконченным и ждет своих продолжателей.

В этой основной догматической работе автора прежде всего утверждается единство человеческого естества, разсеченное грехом. Идея единства человеческого естества имеет громадное значение не только для богословия, но и для социальных наук, указывая им путь для исследования общества, государства, народа и человечества не только как сумму индивидумов, но как единое целое. Работа эта сводилась к выводу: «Св. Троице (принадлежит) блаженнейшее и истиннейшее бытие, где свобода и вечность лиц не сокрушает единства и естества, где есть место и свободной личности, но где нет места безусловной личной самозамкнутости. Учение *любви* там закон внутренний...» «Без веры в Троицу борьба с самим собою и с целым миром в его прошлом, настоящем и будущем была бы беспочвенной мечтой, без этого св. догмата Евангельская заповедь любви была бы бессильна». Вслед за этим последовали дальнейшие догматические работы о. Архимандрита Антония. «Нравственное содержание догмата о Св. Духе», «Нравственная идея догмата Церкви» и завершением этого цикла догматических работ был труд Владыки, написанный им уже в бытность свою на Валааме в 1917 году: «Догмат Искупления», в котором он дает ответ на те недоумения, которые в юности у него вызвали японские миссионеры. Вооруженный богословскими и философскими познаниями и богатым опытом своей пастырской жизни, горячо любивший и сострадавший своим питомцам и своей пастве – Владыка Антоний сделал вывод из всех своих богословских трудов, объяснив искупление человеческого рода – *«сострадательной любовью Христовой»* – постигнув эту истину своим умом, волею и чувством. Отнюдь не умаляя всей силы крестных Христовых страданий, Владыка объяснил, что возрождение человеческого рода совершилось «посредством того внутреннего огня, огня сострадающей скорби о грехах людей, которым горел Дух Спасителя нашего. Любя всех людей и обнимая Своим Божественным Духом, Своим всеведением все безчисленные миллионы живших на земле при Нем, до Него, и имевших жить после Него человеческих личностей, наш милосердный Господь скорбел о грехах каждого как бы о Его

собственных, ревновал о спасении, о духовном совершенствовании каждого ревностию огненной...» «...возлюбить всякого человека в отдельности, возскорбеть мог только всеведущий, всеобъемлющий Бог... передать, перелить свою святость в сердца людей мог только человек, короче говоря: наш Искупитель может быть только Богочеловеком, каким Он и явился». Господь поручил продолжение Своего дела на земле пастырям Своей Церкви, через Которую только наш Господь и входит в общение с человеческой личностью. Поэтому Церковь, по толкованию нашего Владыки, – это новая жизнь на земле, новое бытие, новое начало, основанное Господом Иисусом Христом и имеющее своим назначением – спасение человека, т. е. его духовное усовершенствование для подготовки его к вечной жизни.

Идея эта, явившаяся только выводом из всех предшествовавших творений Владыки, начиная с исследования о свободе воли, но стоящая в резком противоречии с господствовавшей в науке идеей сатисфакции, т. е. «удовлетворения правде» вызвала немалое смущение у сторонников старой школы. Между тем идея эта содержит неисчерпаемое богатство не только для богословской науки, полагая в основу ея моральный элемент, но также и для устройства церковной жизни и вообще для жизни христианского общества, в котором выдвигается на первый план благодатная любовь – сила единящая человеческое естество, разсеченное грехомъ

В Московской Академии Архимандрит Антоний положил также новое направление науке пастырского богословия, вытекающее из его догматических возрений. Наука эта до того времени была в пренебрежении в академическом преподавании. Считая, что предмет этот, ради которого существуют и самая духовно-учебная заведения, – является наукой из наук, ученый пастырь вложил в него всю свою богатую душу. Науку Пастырского богословия Архимандрит Антоний определил по новому так: «Предметом пастырского богословия служит изъяснение жизни и деятельности пастыря, как служителя совершаемого благодатью Божией возрождения

людей и руководителя их к духовному совершенству». Лекции Архимандрита Антония по пастырскому богословию были переполнены слушателями.

Архимандрит Антоний также основал в Академии журнал «Богословский Вестник», занявший почетное место в духовной литературе России.

В этот же период времени Архимандрит Антоний выступает в защиту Церкви главным образом от нападков со стороны гремевшего тогда на всю Россию гр. Л. Н. Толстого. Будучи основательно знаком с германской философской литературой, ученый пастырь сразу понял, что Толстой находится под влиянием Германского пантеизма и поэтому обличения его были глубоко компетентны и убедительны. Сам Толстой пожелал познакомиться со своим оппонентом и Архимандрит Антоний посетил его в Москве в его доме, проведя с ним известное время в мягкой доброжелательной беседе и заручившись обещанием Толстого посетить его в Троицкой Лавре. Этого обещания Толстой не исполнил, при чем циркулировали слухи, что Толстой заявлял, что он опасается «Антониевского магнетизма», разумея под этим тот церковный дух, который господствовал у Архимандрита Антония. Во всяком случае Толстой с доброжелательством отзывался о критических замечаниях Архимандрита Антония и говорил, что «меня понимает только о. Антоний» и высказывал свое удивление его влиянию на студентов. После этого посещения среди студентов распространился слух, что будто бы их ректор получил запрос от своего начальства, на каком основании он посетил явного отступника и врага Церкви и что будто бы о. ректор ответил, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Марк. 2, 17).

Любя всех своих студентов. Архимандрит Антоний особенно покровительствовал обучавшимся в академии славянам, грекам и сербам, видя в них представителей тех древних Восточных Церквей, к взаимообщению с которыми он стремился всей своею душой. Кроме того он стремился дать академическое образование не только установленному штатному числу студентов, но по возможности всем желающим, и для этого он начал широко принимать «вольнослушателей» постепенно

переводя их в число штатных студентов. Но самой главной заботой его в отношении студентов это было – склонить их к пострижению в монашество. Внимательно следя за студентами, за их способностями, расположениями, за их нравственной жизнью, Архимандрит Антоний как бы намечал среди них жертвы своей пастырской любви и затем с материнской заботливостью начинал ухаживать за ними, стремясь свободно расположить их сердце к принятию монашества. Он не подавлял их своим авторитетом, а лишь только вызывал самостоятельное и свободное решение и поэтому подвиг этот был особенно труден. Здесь Владыкой было пережито много сердечных забот, разочарований, разбитых надежд и это рождение в новую жизнь часто сопровождалось великими муками скорби, но затем, когда это совершалось, владыка, судя по его наставлениям при пострижениях, восклицал в своем сердце: «итак, совершилось» и говорил своим духовным детям: «братие, держитесь любви».

Столь широкая и разнообразная деятельность молодого ректора Московской Академии не могла не обратить на себя всеобщего внимания. Либеральные круги ожидали, что деятельность его будет непременно направлена против правительства, представители старого направления церковных кругов считали, что он слишком беспокоен и нарушает все установившиеся обычаи кастовой жизни и в результате Архимандрита Антония не возлюбил Московский митрополит Сергий (Ляпидевский). Были сделаны попытки съузить пределы академической автономии, но ректор этого не допустил. Тогда была назначена ревизия академии, причем вопреки уставу, требующему, чтобы академии ревизовались членом Синода, ревизия была поручена обычному ревизору духовно учебных заведений и при том лично недоброжелательно настроенному к Архимандриту Антонию еще по Петербургу г. Нечаеву. После тщательной ревизии ревизор поставил ректору в вину, что он слишком легко разрешал скоромную пищу больным студентам в лазарете, при чем при Архимандрите Антонии эта пища разрешалась 10 проц. общего числа студентов, а раньше него – 20. Попытки найти в его деятельности что-либо

противоправительственное не удались и Архимандрит Антоний из Москвы после пятилетнего управления академией был переведен в глухую провинцию в г. Казань. Перевод этот был равен ссылке. Такое резкое несоответствие возвышенных идеалов ректора академии Архимандрита Антония с наличной действительностью окружающей церковной жизни нанесло глубокую рану в его сердце и он уехал в Казань в уверенности, что его хотят там добить и поэтому он решил было собрать свои книжки и уехать в Палестину.

Такое непонимание возвышенных идеалов вдохновенного пастыря настолько потрясло его душу, что уже в самое последнее время в Карловцах, когда спрашивали Владыку: «видите ли Вы, Владыко, какие-либо сны?» Владыка отвечал: «Обычно я никаких снов не вижу, а если когда-либо вижу сон, то непременно Митрополита Сергия (Ляпидевского), который устраивает мне какая либо козни».

В Казани.

Приехавший в Казань, как бы в ссылку, Архимандрит Антоний был встречен со стороны корпорации с недоверием и с холодком. Но в этот трудный период жизни его поддержал Казанский архипастырь, которым был Архиепископ Владимир. Вскоре после этого Архиепископ Владимир скончался и о. Антоний своими руками положил его в гроб и похоронил его в Казани, оставив в своем сердце благодарную память о нем. Месяца через два после приезда в Казань Архимандрит Антоний, по его словам, настолько там «обжился», что почувствовал себя окруженным любовью студентов и доверием профессоров и настолько горячо полюбил Казанскую Академию, что не знал какую из них любит больше, а если прибавить к этому, что его первая юношеская любовь была Петербургская академия, то станет совершенно очевидным, насколько горячо он вкладывал свою душу в это дело.

Деятельность Архимандрита Антония, протекала в Казани в том же направлении, как и в Москве. Из особенно важных мероприятий необходимо отметить здесь – учреждение при академии миссионерских курсов, из которых вышло много самоотверженных церковных деятелей, главным образом, для Восточной России, в том числе ныне здравствующий Архиепископ Нестор Камчатский и Петропавловский. В 1897 году, 34 лет от роду, Архимандрит Антоний был возведен в сан Епископа с оставлением ректором. С возведением в сан епископа Архимандрита Антония связали столькими нитями с жизнью города и многочисленных его учреждений, что ему уже становилось не под силу создавать благоприятные условия для ректорской службы, требовавшей безмятежности, сосредоточенности, спокойствия и досуга и он продолжал ее нести, как тяжкий крест, оставаясь в должности ректора дольше всех своих сверстников.

Вступая в архипастырское служение, владыка исповедал свой взгляд на его задачи при наречении в сан епископа в Крестовой церкви в г. Казани. Он сказал, что первая и самая

главная задача пастыря заключается в том «чтобы в сердце своем всегда приуготовлять храм Духа чрез подвиги духовной жизни». Такой архипастырь: «пошел бы путем святого Иоанна Златоуста в любви к людям, был бы дерзновенен, как святитель Филипп пред врагами истины, поколебал бы весь грешный мир правым исповеданием, как Максим Исповедник, уразумевал бы тайны Промысла, как Иоанн Богослов, привлекал бы к себе любовь в далекую пустыню все сословия и возрасты, как Тихон Задонский». Это было вдохновенное развитие все того же взгляда, который когда то высказал иеромонах Антоний в своей диссертации о свободе воли, что познание Бога и мира происходит через самопознание, через очищение своего духа. Эта идея была положена в основание всей архипастырской деятельности нового епископа.

Знаменательным событием в жизни Владыки в Казани – это была его поездка в 1898 году в Симферополь к умиравшему другу епископу Михаилу Таврическому, когда то студенту Грибановскому, с которым студент Храповицкий мечтал в Академии о возстановлении канонического устройства Церкви. 18 августа 1898 года вечером Епископ Антоний стоял у смертного одра своего друга, который сказал ему: «Вот возьмите эту панагию, подаренную мне преосвящ. Антонием Финляндским. Я не могу сказать вам связной речи, потому что сознание мое работает уже вполовину. Да послужит сия панагия знаменем нашей духовной любви и связующаго нас духовнаго единения. Я умираю, но духом всегда буду с вами и в вас. Я от всей глубины души разделяю ваше намерение устроить жизнь Церкви на началах канонических, древних, апостольских, на началах истинно христианских, человеческих. Это должно подготавливать постепенно общей любовь братии».

Епископ Антоний отвечал умиравшему другу: «Благословите меня, Владыко, на это святое дело Вашим священным даром, а я приму слова Ваши, как Ваше завещание для меня и для всех нас, братии по духу, священное». Умиравший благословил Епископа Антония и прошептал: «да, я не могу работать со всеми вами: я умираю, но дух мой и молитва моя с вами». Епископ Антоний целовал его руки, стоя

на коленях у его одра и говорил: «вот это Вам, Владыко, и больно, что Вас среди нас не будет, а с Вами мы работали бы веселее и дружнее». Умиравший улыбнулся и слегка разведя руками, произнес: «ну уже, что делать? Бог все устраивает так как нужно для Его славы, и от меня берет жизнь, когда это стало наилучшим». Затем за 15 минут до смерти умирающий подозвал Епископа Антония и задыхаясь от начавшейся агонии, произнес: «помните же мое завещание о Церкви: не забывайте ее истинной формы».

Епископ Михаил был лучшим другом Владыки. Из своих же учеников Владыка особенно любил иеромонаха Тарасия, человека гениальных дарований, автора книги: «Перелом в древне-русском богословии», скончавшагося также в молодости, а из своих сослуживцев иерархов – архиепископа Сергия Финляндскаго, впоследствии, увы, перешедшаго на сторону большевиков.

В Уфе.

В 1900 году Епископ Антоний, пробыв в должности ректора дольше всех своих сверстников, был назначен на самостоятельную провинциальную кафедру в г. Уфу. На педагогической службе он провел 15 лет. Подводя итог своей педагогической деятельности, Епископ Антоний писал студентам, поднесшим ему св. панагию и аметистовые четки: «...среди вас я не мог не верить в человека, не мог, если бы даже и не хотел, не мог не верить в близость к нам Бога Христа и Святого Духа, не мог не верить в жизнь, не любить ее и не испытывать радости бытия. И еслиб мне отныне суждено было прожить еще вдвое против того, что я прожил, и не видеть ничего кроме порока, торжествующей лжи и злобы, то все-таки, вспоминая вас, я оставался бы счастлив воспоминаниями и благословлял бы жизнь».

С 1900 года началась новая архипастырская деятельность нашего Владыки.

Уфимская епархия была одна из заброшенных окраин Российской империи. До сего времени сюда назначались архиереи обычно без высшего образования и получали сравнительно ничтожный оклад содержания в 2 тыс. рублей в год. Поэтому назначение епископа Антония в Уфу тоже было несправедливостью.

Быт и нравы православных, старообрядцев и магометан, составляющих население Уфимской епархии, были хорошо известны новому архиерею по соседней Казанской губернии. Ничего интересного в этой провинции Епископ Антоний ожидать не мог. Тем не менее уже по пути в Уфу на пароходе молодой епископ, глядя на многочисленные поселения со всей их патриархальной деревенской обстановкой, но однако украшенных в большинстве мусульманскими минаретами, видя земледельцев с их веселыми детьми, представлял себе насколько они погрязли в мусульманстве – праздном воображении арабов – и подобно ап. Павлу при посещении Афин «возмутился духом» и воспламенился ревностью о

проповеди слова Божия в этом крае. Перед ним открывалось новое необозримое поле деятельности с народом, к которому он здесь соприкоснулся вплотную и обрел здесь свою вторую родину. В своей вступительной речи в Уфимском Кафедральном Соборе Епископ Антоний высказал свой взгляд на задачи архипастырского служения, как на продолжение дела Христова на земле, являясь соработником Богу и имея задачей возрождение людей к вечной жизни через огонь сокрушающей о них любви.

Сейчас же по приезде в Уфу епископ Антоний начал произносить проповеди в соборе, посвятив их обличению владевшего в то время русскими умами гр. Толстого. Проповеди эти привлекли в собор весь город, церковная жизнь стала заметно подыматься. Далее Епископ Антоний обратил тщательное внимание на духовно-учебные заведения, убеждая семинаристов идти в священники и заботясь об усилении в семинарии церковного начала и затем он предпринял неутомимые объезды обширного Уфимского края. За два года управления его епархией число приходов из 400 достигло почти 800. Вступая в Уфимскую епархию Епископ Антоний расположил свое сердце так, что он готов, согласно с церковными канонами, остаться в Уфимской епархии на всю жизнь, о чем к общему удивлению и заявил в своей первой проповеди. Однако через два года, в 1902 году, Епископ Антоний был переведен в г. Житомир на Волынскую кафедру, являвшуюся форпостом России на Западе.

На Волынской кафедре.

На Волынской кафедре Владыка оставался 12 лет и здесь его деятельность приобрела Всероссийское значение.

В своем вступительном слове новый Волынский архипастырь, характеризуя печальное состояние интеллигентного класса современной России, говорил о необходимости отыскать в этом крае драгоценные черты церковно-народного быта и оттенки народного религиозного чувства, сохранившиеся в этом крае, и вызвав их к жизни, приобщить к ним русское просвещенное общество, столь равнодушное ныне и враждебное Апостольской Церкви. Здесь Владыка, будучи в полном расцвете своих сил, широко развернул свою неутомимую деятельность. Он по прежнему сохранял живую связь со всеми академиями, при чем к тем трем, которых он так любил еще из раннего времени своей жизни, присоединилась и четвертая – Киевская, студенты которой посещали Владыку в Житомире и между собой делились по своему отношению к личности Архиепископа Антония. Владыка сохранял связь со столицами и внимательно наблюдал за русской жизнью. Уединенные и строгие архиерейские покои превратились в дом, живущий полной жизнью, в каждом уголке которого стояли диваны, на которых ночевали приезжавшие студенты, молодые монахи и другие друзья Владыки, здесь ночевал и знаменитый русский философ В. С. Соловьев приезжавший для бесед с Владыкой. Церковная жизнь в Волынской епархии забила ключом.

Волынская епархия имела около 2½ миллионов паствы. Духовенство ея было довольно обеспеченное, но на нем сказывалось польское влияние и духовенство было отчуждено от народа, отношения между ними были неправильные и взаимное доверие было подорвано нередко до полной потери взаимной нравственной связи. Архиерей был завален нескончаемыми жалобами на своих священников. Новый Владыка поставил своей целью устранить ненормальность этих отношений и возстановить «пастыря доброго, отца своего

народа и благоговейного строителя Христовых Тайн». Для этого Владыка обращался к духовенству с многочисленными посланиями, разъясняя им сущность их призвания и указывая им те пути, которыми они должны идти для соединения с народом. Восемь из таких посланий вошло в полное собрание сочинений Владыки, (изд. 1911 года), но самое главное он воздвигал в своем крае образ истинного пастыря примером личной жизни и деятельности, оставив после себя в Волынском крае добрую память и по сей день. Старые Волынские священники трогательно рассказывают, как Владыка Антоний стремился поднять авторитет пастырского служения в глазах их самих и общества, как он говорил о том, что священники – самое высшее звание и служение на земле, что святы не только сами священники, но освящены и их семейства – их сыновья и дочери. Он старался ободрить и укрепить священника в нужде и горе, часто он снимал со своих плеч рясу и надевал на священника, подавленного материальной нуждой и в общем был для своих священников родным отцом.

Далее Владыка обратил особое внимание на оживление церковной жизни. В г. Житомире была святыня – глава преп. Анастасии Римлянины. Было установлено торжественное празднование ее памяти с обнесением св. главы вокруг Церкви. Особое же внимание Владыки было обращено на Почаевскую лавру, находившуюся почти на самой границе с Австро-Венгерской Империей. Почаевская Лавра, настоятелем которой являлся Волынский архипастырь, имела могучее религиозное влияние на весь юго-западный край, а через него и на всю Россию. Двенадцать раз в году в Лавру собирались огромные толпы народа – 6 раз в большие праздники до 40 тысяч и 6 раз в малые праздники до 6–7 тысяч. Через Почаевскую Лавру Владыка Антоний вошел в живое общение с Русским народом. Прежде всего Владыка устроил типографское братство с самоотверженным деятелем аскетом во главе знаменитым впоследствии архимандритом (ныне архиепископом) Виталием. Это братство развило широкую просветительную деятельность в народе через специальные народные издания. Затем он выхлопотал разрешение выносить из подземной пещеры

покоющуюся там св. раку с нетленными мощами преп. Иова Почаевского, которая один раз в году вносилась в храм, обносилась вокруг Церкви и на глазах 40 тысячной толпы при стократном пении «Господи помилуй» высоко подымалась и опускалась, затем Владыка озаботился сооружением обширного теплого Троицкого собора, известного в Лавре под именем Антониевского, а также обширной, так называемой, Красной гостиницы для паломников. Под влиянием этих и других мероприятий религиозное значение Почаевской лавры быстро возросло. Не только жители юго-западного края, но и жители отдаленной Галиции собирались во множестве в Почаевскую Лавру и тем, помимо религиозного на них влияния, происходило расположение их сердец к России, что, между прочим, нашло себе яркое выражение во время победоносного продвижения русских войск в Галицию в 1914 году. Наконец, Владыка тайно посетил Галицию, ободряя православных Галицийцев и призывая униатов к переходу в Православие.

От Лавры епархиальный архиерей получал около 30 тысяч дохода в год. По свидетельству Лаврских наместников ко времени исчисления этого дохода от Владыки Антония поступала написанная его рукой пачка денежных переводов с адресами тех лиц, которым должны быть разосланы следуемые ему деньги. Это были стипендии учащимся, пособия нуждающимся священникам и их вдовам, различным просителям. Это была широкая благотворительность, оказываемая щедрою рукою.

В 1911 году Владыка возстановил древний Овручский собор, на освящение которого приезжал Государь Император, пожаловавший Владыке золотую панагию. Мало интересуясь денежными вопросами, Владыка должен был приложить много труда для сбора средств на сооружение этого храма. Он начал с того, что взял в Петербурге альмонах и в день св. Василия разослал листы всем значавшимся по альмонаху Василиям, однако не получил от них ни одного ответа. После этой неудачи пришлось прибегать к более практическим путям по сбору средств.

Московские либералы когда-то ожидали, что такой широко-просвещенный пастырь, как ректор Академии Архимандрит Антоний направит свою деятельность в революционную сторону; опасалось, видимо, этого и начальство, стремясь уличить его в какой-либо «красноте», однако никаких признаков этого найдено не было, так как Владыка менее всего интересовался политикой и совершенно не обращал внимания на те вопросы, которые волновали обычное общество и поэтому вскоре это общество перестало интересоваться деятельностью Владыки, при чем в некоторых газетах, даже в «Новом Времени» устами Меншикова заявили, что мол «Антоний не оправдал возлагавшихся на него надежд». На Волынской кафедре Владыка Антоний должен был широко раскрыть свои политические воззрения, которые еще более огорчили наших псевдолибералов, объявивших Владыку уже своим главным врагом.

Вообще же, политические воззрения Владыки отнюдь не могут быть вложены в какие либо партийные рамки. На государство он смотрел только как на форму, в которой может развиваться содержание народной жизни, черпаемое из Евангелия. Государство – это только полиция народа. И самое самодержавие Владыка высоко ценит и защищает не само по себе, а как строй жизни наиболее благоприятный для развития нравственных начал. Монархическое самодержавие, по его словам, оставляет «больше чисто общественных внегосударственных отношений среди людей и дает место свободному нравственному воздействию таланта и гения на общественную мысль и волю».

Входя в самое широкое соприкосновение с Русским народом, живя на границе с враждебным государством, сохраняя живую связь со столицами и с духовным просвещением и следя за всей русской жизнью, Владыка заметил ту революционную опасность, которая надвигалась на Россию и со всей силой своей пламенной души выступил на защиту своего Отечества, считая, что с разрушением Самодержавия погибнет и все внутреннее содержание русской жизни. Японская война и вызванные ею бедствия нашли

горячий отклик в его сердце, которое то разрывалось скорбью за Отечество, то мрачные предчувствия надвигавшейся гибели сменялись проблесками надежды на возрождение и находили себе выражение главным образом в проповедях, обращенных из Житомирского Кафедрального Собора ко всей России. Владыка вдохновлял русское общество на защиту Отечества, оплакивал гибель русского воинства на Дальнем Востоке, порицал революционеров, заставлял следовать за собой духовенство и проявлял себя, как истинный печальник за всю Русскую Землю. С обнаружением же в обществе революционных течений, Владыка, жертвуя своей популярностью, со всей силой своего духа выступил на защиту самодержавия. Он не останавливается перед тем, чтобы выступить в Государственном Совете с речью о том, что правительство не должно останавливаться перед смертной казнью преступников, навлекая за эту речь зубовный скрежет всех революционеров. В день рождения Наследника Цесаревича (4 октября 1904 года) он произносит пламенную речь о том, что значит любить Россию и указывает в ней, что «Россия это всемирная всеобъемлющая идея, что наша Родина есть воплощающееся в народном быте и народном характере Евангелие, воплощающееся царство Божие». 21 октября 1905 года Владыка произносит речь, посвященную Государю, в которой указывает, что, если Государь разочаруется во своих подданных и замкнется в своем сердце от них, то ничто уже не спасет русскую землю от конечной гибели. Он принимает особые заботы к тому, чтобы Волынская земля дала в Государственную Думу людей, способных отстаивать Самодержавие и, наконец, венцом его борьбы за горячо любимое Отечество является его знаменитая речь, произнесенная в Исаакиевском Соборе 20 февраля 1905 года. В этой речи, поднявшись до вдохновения древних пророков, Владыка открыто и прямо обращаясь ко всей России, предсказывает ей неизбежную гибель, если она пойдет по пути революции. Эта знаменитая речь встретила резкий отзыв во всей оппозиционной печати, при чем против Владыки выступил Мережковский, уже стяжавший тогда литературное имя. Далее

Владыка принимает живейшее участие во всех патриотических организациях правого направления, не останавливаясь перед тем, что многия из них далеко не отвечали своему назначению. Он видит погибающее Отечество и предпринимает для его спасения все, что только возможно было, не щадя себя. Само собой понятно, что во всех революционных кругах имя Волынского Архиепископа Антония становится ненавистным.

В 1907 году во время богослужения в Крестовой церкви на Благовещенском подворье в Петербурге, когда Владыка совершил каждение храма, из толпы богомольцев бросился на Владыку неизвестный человек, вооруженный кортиком, который был схвачен богомольцами и разоружен. По настоянию Владыки преступник был помещен не в тюрьму, а в душевную больницу и истинный характер этого покушения остался невыясненным.

В политических вопросах Владыка придерживался самых широких взглядов. Когда между прочим произошел знаменитый Кишиневский погром, то Владыка обратился с увещанием к русскому обществу, предостерегая его от еврейских погромов и обращая их внимание на то, что при всех отрицательных чертах евреев среди них могут быть родственники по плоти Пречистой Девы Марии и св. апостолов. При всем этом Владыка ясно заявлял, что русская революция будет носить атеистический и еврейский характер. Вообще же политические взгляды Владыки далеко выходят из партийных рамок и ближе всего они совпадают со взглядами Достоевского.

С переездом на Волынь Владыка начинает принимать участие в работах Св. Правительствующаго Синода, сначала в виде представлений в Синод по различным вопросам церковной жизни, затем вызываемый в Петербург на Синодальные сессии. Заботы его были направлены на подготовку дела возстановления Патриаршества в России, на реформирование духовно-учебных заведений в сторону соответствующую их назначению, на присоединение к церкви старообрядцев-раскольников, на борьбу с латинской ересью, при чем здесь его особенно беспокоят разрешаемые Синодом смешанные браки с еретиками и на прославление новоявленных святых. В последнем вопросе главными

поборниками были в России – Государь Император Николай II и наш Владыка. При его непосредственном участии были прославлены святители Иоанн Тобольский и Иосаф Белгородский и кн. Анна Кашинская, при чем при прославлении св. Иосафа Белгородского, Владыка, обратившись к членам Синода, затруднявшимся согласиться на это, сказал: «если мы веруем в Бога, то должны прославлять Его святых».

На Волынской кафедре Владыка также заботился о составлении служб. Кроме уже упомянутой службы св. св. Кириллу и Мефодию, Владыкой были написаны следующие: Почаевской Божией Матери, – полная служба с акафистом, преп. Макарию Овручскому, младенцу Гавриилу, замученному жидами, преп. мученице Анастасии, преп. Иову Почаевскому (с акафистом), священномученику Макарию Киевскому, Феодору, кн. Острожскому, святителю Иосафу, Озерянской Божией Матери и несколько служб различным чудотворным иконам Божией Матери.

Самое излюбленное свое дело о восстановлении Патриаршества в России Владыка постоянно пропандировал в своих проповедях, лекциях и статьях, но особенно много он приложил труда в живом показательном примере, организовав торжественный прием прибывшего в Петербург Антиохийского Патриарха Григория. Выражая свои личные чувства к восточному Патриарху, а также задавшись целью вызвать в русском обществе желание иметь своего Патриарха, Владыка при содействии своего друга Архиепископа Финляндского Сергия и обер-прокурора Св. Синода устроил торжественное Патриаршее служение в Исаакиевском и Казанском соборах, при чем вполне достиг своей цели. После богослужения русские люди толпами подходили к Патриарху, поклоняясь ему до земли и глубоко были растроганы виденным ими церковным величием. После Петербурга Владыка отвез Патриарха Григория к себе на Волынь, где его пребывание было таким же триумфом, особенно в Почаевской Лавре, куда собралось во множестве не только окрестное население, но прибыли поклониться Патриарху и галичане из Австрии. По словам Владыки, те дни,

когда Церковь сияла в своем полном блеске, были самыми счастливыми днями его жизни.

В 1912 году Епископ Антоний был возведен в сан Архиепископа и призван в число постоянных членов Св. Правительствующаго Синода. В 1913 году Казанская Духовная Академия предоставила Владыке степень доктора богословских наук. В 1914 году Архиепископ Антоний был переведен в Харьков. Среди Волынской паствы циркулировал слух, что перевод Архиепископа Антония вглубь России был вызван представлением Австро-Венгерского правительства Русскому Правительству, заявившего, что деятельность Архиепископа Антония беспокоит Галицийское население. Сделано это было накануне войны, о времени которой Австро-Венгерскому правительству было отлично известно.

Одним из памятников пребывания Владыки на Волыни – является книга – «Распоряжения Архиепископа Антония по Волынской Епархии», в которой собраны жизненные руководственные распоряжения Владыки, имеющие значение и по сие время для практической церковной жизни. В бытность Владыки на Волынской кафедре, Константинопольский Патриарх предоставил Владыке звание своего экзарха для Галиции и для Карпатской Руси. Пользуясь этим званием, Архиепископ Антоний посылал в эти области тайно священников с греческими антимирами и насаждал там Православие среди местного русского населения. Впоследствии в бытность на Афоне Владыка написал руководящую брошюру для борьбы с унией под заглавием «Беседа православного с униатом», которая имеет руководящее значение для русских священников и в настоящее время.

В Харькове.

Пребыванию Архиепископа Антония на Харьковской кафедре будет посвящен особый очерк, составляемый Епископом Шанхайским Иоанном, бывшим в это время студентом в Харькове. Главнейшими же событиями Харьковской жизни были следующие. Осуществляя свою архипастырскую деятельность в согласии со своими воззрениями на ее существо, Владыка с началом войны горячо наставлял войска храбро сражаться за Веру, Царя и Отечество и заклинал их, что, если они не будут исполнять своего долга, не щадя своей жизни, то он сам даже после своей смерти явится обличать их за измену. Владыка неустанно наделял их св. крестами, кропил их св. водой. Затем он принял участие в живейшем обсуждении вопроса о том, чей должен быть после войны Константинополь и настаивал на том, чтобы он был отдан грекам, боясь внесения в него петербургского полунемецкого духа и настаивал на необходимости присоединения к России св. Земли, далее он возставал против предполагавшагося подчинения Петербургскому Синоду Константинопольского Патриарха, боясь нарушения чистоты канонического принципа. Наконец, в Харькове Владыка принимал Епископа Сербского Варнаву, нынешнего Святейшего Сербского Патриарха, прибывшего в Россию по делам своего Отечества и выступавшего с докладами об устройстве Сербского государства после войны. Из работ, написанных в Харькове, наиболее важными были: «О книжке Ренана с новой точки зрения», «Возстановленная Истина (о Патриархе Никоне)», «Согласование Евангельских сказаний о воскресении Христовом», «О загробной жизни и вечных мучениях» и друг.

Владыка Митрополит из своих творений этого периода времени наибольшее значение придает своей книге: «О книжке Ренана с новой точки зрения».

Как известно, книга французского популярного писателя Ренана «Жизнь Иисуса» появилась в 60 годах пр. ст. и в сравнительно короткое время имела 19 изданий, была

переведена на все языки, в том числе и на русский, и имела широкое влияние, главным образом в интеллигентской среде, которая, почти вся поголовно, смотрела глазами Ренана на объяснение Евангельских событий, сводившихся к отрицанию Божества Господа Иисуса Христа и Его воскресения из мертвых, представляя в тоже время нашего Спасителя, как весьма привлекательного, мягкого, симпатичного и доброго чаловека. Книга эта была составлена таким образом, что она вводила в обман доверчивых читателей, восклицавших: «как бы то ни было, а меня научил любить Христа только Ренан, а не ваши попы». В отличие от других критиков, лишь оспаривавших отдельные положения Ренана, Владыка Митрополит в своем исследовании обличил внутреннее противоречие, заключающееся у Ренана, которое при отрицании Божества Спасителя не позволяет признать Его идеальным человеком, каким Он изображается Ренаном.

Весьма важным было также исследование Владыки о Патриархе Никоне: «Возстановленная истина». В науке церковной истории утвердился прочный взгляд на Патриарха Никона, как на иерарха боровшагося за власть с царем и потерпевшаго в этой борьбе полное поражение. Историки С. М. Соловьев и Каптерев прочно утвердили такой взгляд на Никона, поддерживавшийся и всеми официальными руководствами. Обстоятельное исследование английского писателя Пальмера, рассмотревшаго деятельность Никона в перспективе общей проблемы отношений государства к Церкви с одной стороны и с другой стороны, как проблемы национальной русской, связанной с разрушением канонического церковного устройства, начатым правительством Царя Алексея, – не было доступно русским читателям, т. к. это исследование не было переведено на русский язык. Владыка Митрополит впервые в русской литературе – поставил вопрос о Патриархе Никоне на чисто церковную почву и показал его, как великаго русского духовнаго богатыря, самоотверженнаго борца за строй русской жизни, руководимый Св. Евангелием, обнаружившим себя непреклонным исповедником истины перед наступавшей новой эпохой жизни, закончившейся крушением в революции 1917

года. В настоящее время капитальное исследование о Патриархе Никоне написал проф. М. В. Зызыкин, заявивший в своем предисловии, что духовным отцом его книги является Митрополит Антоний.

Русское Правительство не использовало в полной мере широких дарований и пламенной любви к Отечеству Владыки. С Государем Императором Владыка Антоний впервые встретился в 1906 году и имел с Государем продолжительную беседу по вопросам русской жизни. Затем Владыка приветствовал Государя при освящении Овручского Собора, при представлении с депутацией на ст. Коростень и при представлении членов Государственной Думы и Государственного Совета. Дальнейшему сближению Владыки Антония с Государем помешал Распутин. В «Письмах Императрицы» опубликованных в последнее время, имеется указание на то, что мистически настроенная Государыня Императрица предостерегала Государя от сближения с Владыкой Антонием, опасаясь «того духа», которым проникнуты Архиепископ Антоний и Архиепископ Сергей. Кроме того Владыка Антоний в силу своего яркого характера мало был приемлем и для Петербургского общества, настроенного либерально и более ценившего иерархов, подделывавшихся под настроение общества. Поэтому существовавшее предположение о возведении Архиепископа Антония в сан Петербургского Митрополита не получило своего осуществления, сам же Владыка из чувства лояльности к Петербургскому Митрополиту и его старому другу Преосвященному Антонию (Вадковскому) при разговоре об этом с Великой Княгиней Анастасией Николаевной заклинал не делать этого. В силу этого деятельность Владыки, протекавшая на Волыни, мало достигала слуха русского общества и большинство его идей остались неиспользованными для России. Накануне своего отречения от Престола Государь Император Николай II передал из Могилева через Харьковского Губернатора свой привет Архиепископу Антонию, осведомившись о нем.

Революция.

В 1917 году, после отречения Государя Императора от Престола, Владыка получил требование от революционных властей покинуть Харьков. По удовлетворении прошения об увольнении на покой, Владыка отбыл при глубоком сожалении Харьковской паствы в Валаамский монастырь, где решил посвятить себя ученой работе, не ожидая ничего доброго для России. Здесь Владыка написал свою работу «Догмат Искупления», которая была развитием идей изложенных Владыкой в ряде его более ранних статей: «Размышление о спасительной силе Христовых страстей» (1890 г.), «Нравственное обоснование важнейшего догмата» (1894 г.) «Какое значение для нравственной жизни имеет вера в Иисуса Христа, как Бога» (1896 г.), а также других догматических творений Владыки.

Харьковское епархиальное собрание, которому предложено было избрать нового архипастыря, несмотря на все принятые меры, почти единогласно вновь избрало Архиепископа Антония, возвращение которого в Харьков было триумфом. Владыка прибыл вновь в Харьков уже из Москвы во время заседаний Всероссийского Собора.

В течение своей архипастырской деятельности Владыка много хиротонисал епископов. В его сочинениях помещено несколько речей, сказанных им при вручении архиерейского жезла, но большее число речей осталось незаписанными; ему также приходилось погребать и напутствовать в вечную жизнь много владык, из коих наиболее известные имена: Митрополиты – Московский Леонтий, Киевский Феофан и Флавиан, Петербургский Антоний (Вадковский), Архиепископ Виленский Ювеналий, Харьковский Арсений, Симферопольский Михаил и мн. друг. Владыка также имел большое число постриженников в монашество, назидания которым вошли также в его сочинения.

Владыка имеет следующие ордена: русские – Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степени, Св. Владимира 3-й и 2-й степени, Св. Александра Невского, Сербские – Св. Саввы 1-й ст., Белаго

Орла – 2-й ст. и Румынская Корона – 1-й ст. Орден Св. Саввы на Владыку возложил лично Блаженно-почивший Король Александр I-ый в 1921 году, прибыв в день своей славы в г. Ср. Карловцы и сняв этот орден со своего плеча.

Всероссийский Церковный Собор.

В августе месяце 1917 года Владыка из Валаамского монастыря должен был отправиться в Москву на церковный Всероссийский Собор в качестве представителя от монашества. Русские люди съезжались на церковный собор в Москве в подавленном состоянии духа, большинство из членов собора было настроено революционно, наличная действительность русской жизни была самой печальной, никаких надежд на то, что церковный собор займется восстановлением канонического строя русской жизни не было. Наоборот, раздались голоса о необходимости введения различных либеральных реформ вплоть до снятия духовных одежд, стрижки волос. Однако, с первых же заседаний собора церковный дух усиливался и к концу собора Архиепископ Антоний решил выступить с лекциями о необходимости восстановления Патриаршества, а затем пригласил посетить находящийся в 60-ти верстах Воскресенский монастырь «Новый Иерусалим», гениальное создание особо почитаемого Владыкой Патриарха Никона, надеясь этим окончательно расположить сердца членов Собора к избранию Всероссийского Патриарха. Действительно, как известно, Собор закончился избранием Всероссийского Патриарха. Из числа трех кандидатов, подвергнутых закрытой баллатировке по большинству голосов был избран Архиепископ Антоний. Но затем Собором решено было, подвергнуть окончательное избрание жребием, который пал на Святейшего Тихона. Таким образом Владыка Антоний был избавлен от креста Патриаршего служения в революционное время и тем он еще на долгие годы был сохранен для свободного служения Церкви в качестве Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Архиепископ Антоний был возведен в сан Митрополита и возвратился в Харьков, из которого вскоре был избран Киевским Митрополитом, при чем на этой кафедре он пробыл фактически всего лишь 6 месяцев.

Избрание Киевским Митрополитом и заключение.

Харьковская паства настолько не хотела отпускать от себя своего горячо любимого Владыки, что из более горячих уст раздавались голоса о необходимости удержать Владыку в Харькове силою. Владыка прибыл в Киев на кафедру, облитую мученической кровию его предшественника Митрополита Владимира, разстрелянного большевиками. В Киеве в это время была Германская власть. Владыка Митрополит поселился в Киево-Печерской Лавре, при чем по распоряжению гетмана ему была дана вооруженная охрана из 16-ти человек, однако вскоре Лаврское начальство пожелало само организовать эту охрану, составив ее из послушников монастыря, прибывших с фронта, начальником охраны был назначен артиллерийский фейерверкер и георгиевский кавалер послушник Мельник – это был наш теперешний архимандрит о. Феодосий, который с того дня безсменно несет свою службу при Митрополите Антонии, сменив лишь только свой меч на духовное оружие и приняв от Владыки постриг и священный сан. В г. Киеве Владыка возглавил Всеукраинский Церковный Собор в качестве его председателя, который подтвердил нерушимую связь украинской Церкви с Московскою и организовал церковную жизнь на Украине. В Киево-Печерской Лавре были устроены богословско-пастырские курсы и религиозно-нравственные беседы для братии обители и народа и Владыка начал совершать богослужения, начиная с Софийского собора во всех храмах Киева. Только начал Владыка свою архипастырскую неутомимую деятельность в священном Киеве, переживавшем тяжкое смутное время, как Гетманская власть пала и город был занят Петлюровцами. Как только это случилось, в Киево-Печерскую Лавру явилось 5 вооруженных Петлюровцев с ордером об аресте Владыки-Митрополита. Они посадили Владыку в грузовой автомобиль, наполненный вооруженными солдатами и на глазах большой толпы собравшагося народа и под трезвон Лаврских колоколов увезли Владыку в гостиницу, а в ту же ночь на вокзал и

вывезли в г. Тарнополь, там продержали неделю, а затем отправили в г. Бучач в Галицию, где поместили в униатском Базилианском монастыре. В заключении этом находилось вместе с Владыкой три русских архиерея и архимандрит Виталий, все помещались в 1-ой маленькой комнате и находились под надзором, не имея права покидать пределы монастыря. В заключении Владыку продержали 8 месяцев. Прибыв в заключение и находясь в полной неизвестности о своей дальнейшей судьбе, Владыка из своей тюрьмы обратился к русскому обществу, растерзанному предсказанной им революцией, со словом ободрения. Он написал здесь книгу «Словарь» (ключ) к творениям Достоевского». Девизом этой книги являются слова: «не должно отчаяваться», а самая книга составляет: «нравственно-патриотический катехизис русского человека». Владыка отметил, что русский человек не только нигилист или западник, но даже патриот и монархист, за исключением нескольких самостоятельных мыслителей, не имеет обоснованных нравственно-политических убеждений и поставил своей целью описать содержание русской жизни, считая, «что возрождение русской жизни, возрождение прочное и многовековое возможно лишь под условием восстановления правильных воззрений на нашу жизнь и на Русь». Почитая Достоевского истинным пророком русской земли, Владыка Митрополит поставил своей целью изложить его идеи, разбросанные на пространстве 21 тома его сочинений в форме нравственно-патриотической программы. Здесь же Владыка написал «Опыт христианского православного катехизиса», «Исповедь», книги эти впоследствии были изданы в эмиграции, а также другие работы, рукописи которых остались в России. «Опыт христианского православного катехизиса» был издан на средства Антиохийского Патриарха Григория, прием которого когда то устраивал Владыка в России. Из заключения своего Владыка был освобожден по требованию государств Антанты и 7 сентября 1919 г. возвратился в Киев, в то время занятый Добровольческой армией. По прибытии Владыка отслужил торжественный молебен на Софийской площади. 1 октября Владыка служил на Соломенке, к Киеву же подходили

большевики. После службы, по телефону сообщили, что Владыка немедленно должен прибыть на вокзал к последнему отходящему поезду. Владыка со своим послушником Феодором Мельником прошел через весь город на вокзал пешком и перед его глазами отошел последний эшелон, но в это время произошла катастрофа с поездом, он должен был быть остановлен и Владыка благополучно уселся в поезд, который прибыл в Дарницу, стоял там двое суток, здесь в поезд прибыли чины высшего командного состава. Вскоре Киев был освобожден от большевиков, опять Владыка возвратился в Киев и отслужил торжественный молебен, но большевики вновь взяли Киев. После этого большевики через несколько дней были выбиты из Киева и Добровольческая армия победоносно двинулась к Москве, Владыка отправился на юг России для участия в суде над одним из епископов. В это время Добров. Армия была разбита и Владыка должен был остаться на Юге.

На Юге России и за границей.

10 ноября Владыка прибыл в Таганрог, где в это время находилась Ставка Главнокомандующего вооруженными силами Юга России. В тот же день Владыка совершил первое богослужение в Крестовоздвиженской церкви г. Таганрога и произнес там проповедь о воскресении дщери Иаира, разумея под нею нашу душу. С этого дня начинается новая эпоха славной деятельности Владыки Митрополита Антония по собиранию вокруг себя остатков Русской Церкви и по сохранению чистоты Русского Православия в бушующем море революции, смуты и гражданской войны, деятельность продолжающаяся в невероятно трудных условиях уже 17 лет. Эта деятельность была начата непрерывным совершением богослужений. 20 и 21 ноября Владыка служит в Ростове на Дону и там встречает Курскую икону Божией Матери Знамения, пребывающую с нами и по сей день, 24 ноября служит опять литургию, 1 декабря Владыка в Новочеркасске, где уже в это время образовывалось Высшее Церковное управление на юге России, там он служит в величественном войсковом соборе в сослужении 6-ти архиереев. Одновременно Владыка обращается к русскому обществу с целым рядом лекций. Первая из них была прочитана в г. Ростове на Дону в думском зале: «Иисус Христос, как жертва еврейской революции». Далее следовали лекции: «О патриаршестве», «Христианская вера и война», «О 5-ти заповедях Толстого», «Чудеса у Толстого и Ренана», «О невозможности нравственной жизни без веры в Бога» и мн. другия. В декабре месяце 1919 года Владыка с отступающими войсками отбывает в Екатеринодар, в котором развивает широкую церковно-общественную деятельность, затем в Новороссийск, из которого Владыку увозят при эвакуации обманным способом. Владыка заявил, что он не желает покидать пределы России, тогда окружавшие и главным образом, келейник Феодор устроили как бы приглашение Владыки на греческий корабль для служения молебна по случаю освобождения Константинополя от турок. На такое

приглашение он не мог отказать и лишь прибыв на корабль, увидел, что он увезен из России. На греческом пароходе «Елевзис» Владыка Митрополит в канун Благовещения прибыл в г. Афины, где был сердечно встречен Митрополитом Афинским, ныне покойным Александрийским Патриархом, Мелетием. Нынешний Митрополит Афинский Хризостом, бывший тогда ректором Афинской семинарии, устроил торжественное собрание в честь Митрополита Антония, посвященное его богословским трудам, при чем лично выступил с докладом, впоследствии опубликованном в одном из греческих журналов. В Афинском соборе Владыка совершал богослужение, при чем духовенство восторженно принимало Владыку Митрополита Антония, как яркого филеллина.

Владыка в течении всей своей жизни был ярким филеллином и славянофилом, ценя у греков их великое прошлое и надеясь на возрождение его в будущем, а у славян их приверженность Христовой вере, выразившуюся, между прочим, в сохранении многих древних церковных обычаев. Однако его славянофильство – не племенное, а ортодоксальное. Владыка также весьма симпатизирует восточным народам: Коптам, Сирианам, Абиссинцам и др., хотя бы и еретикам, но сохранившим аскетический уклад жизни. Сближение с этими народами, с целью привлечения их в лоно Православия, по убеждению Владыки, составляет одну из национальных задач России. После этого Владыка поселился на св. Афоне, из которого был вызван генералом Врангелем в Крым и пробыл там до последнего дня эвакуации. Во время Крымской эвакуации Владыка на корабле непрерывно служил молебны и другия богослужения, умоляя Господа о милости к несчастным русским людям. В Константинополе Владыка устроил Высшее церковное управление и затем в 1930 году был приглашен Святейшим Сербским Патриархом Димитрием в тогдашнее Королевство С. Х. С., при чем Архиерейский Собор Сербской Церкви милостиво предоставил Русской Церкви, возглавленной Митрополитом Антонием – самостоятельное существование. С восшествием на Патриарший Престол в 1930 году Патриарха Варнавы жизнь Владыки была окружена

заботливым отношением, а сам Святейший Патриарх неоднократно свидетельствовал о своих братских чувствах к Митрополиту Антонию.

В Югославии.

С переездом в Югославию Владыка Митрополит Антоний самоотверженно сохраняет бытие Русской Церкви за границей, о том как протекала вся многотрудная деятельность в эмиграции, мы не будем писать, считая, что тема эта должна составить предмет особых исследований, весьма важных для будущей России. Отметим лишь, что некоторые церковные деятели считают, что деятельность Владыки Митрополита в эмиграции еще более важна и значительна, чем она была в России: там была благоустроенная великая Церковь, была власть, было великое государство, а здесь остатки Русской Церкви держатся на личном авторитете Митрополита Антония, который несет на себе все тяжкое бремя своего народа. Отметим лишь те общия линии, по которым протекает деятельность Владыки в эмиграции. В области Высшего церковного управления Владыка, возглавляя Архиерейский Собор и Синод, блюдет независимость и чистоту Русской Церкви. Он ежегодно созывает съезжающихся со всех концов мира оставшихся верных ему иерархов русской церкви. Он лично посещал многие страны, побывав в Св. Земле, в странах Средней Азии, в Париже, Лондоне, Берлине, Брюсселе, Австрии, Будапеште, Праге, Афинах и несколько раз объехав многие русские колонии в Югославии. Особенно важной была поездка Владыки в Палестину. Здесь он исходатайствовал для двух русских общин права полноправных монастырей, разрешение от Иерусалимского Патриарха на освящение храма у Дуба Маврийского и положил начало упорядочения дел Русской Миссии. Пока позволяло здоровье Владыка почти каждый воскресный и праздничный день лично совершал богослужения и произносил проповеди, которые он произносит неизменно и по сей день. Почти во все страны мира Владыка разослал архиереев, рукоположив их в г. Белграде, розыскав для этого достойных архимандритов и лучших представителей нового поколения, получивших образование уже за границей, при чем все избранные им кандидаты, оказались самоотверженными и

достойными архипастырями, из них некоторые возведены уже в сан архиепископа. Нося в сердце своем всю Россию, Владыка пользуется всяким случаем, чтобы обратить внимание мира на ужасное положение Русского народа. С этой целью им было разослано множество обращений к Главам Православных и Инославных Церквей и к Главам Правительств всего мира. Некоторые из этих обращений имели могучее действие, так, например, после обращения Владыки к Кентерберийскому Архиепископу, разосланного в копиях всем епископам Англиканской церкви и всем лордам Англии, с описанием ужасов Соловков, в Англии, а затем и во всем мире, возникло широкое протестное движение против гонений на религию в России. Владыка одновременно с этим не оставляет своих богословских и литературных работ. Кроме книг, заготовленных в заключении в Галиции и изданных в эмиграции, Владыкой было написано много брошюр, было издано много отдельных монографий из ранее изданных в России и написано множество статей, записанных в большинстве своем под диктовку Владыки автором этого очерка. Большинство этих статей было напечатано в «Царском Вестнике», а ранее того в «Новом Времени», а также почти во всех церковных и патриотических изданиях, начиная с «Церковных Ведомостей», «Церковной Жизни» и других. В статьях этих Владыка отзывался на все вопросы русской жизни, встававшие перед ним. Пока позволяло здоровье Владыка выступал в разных городах со своими лекциями. Главнейшие из них были: в 1923 году: «Современные толки о соединении Церквей», «Возстановление Патриаршества в России», «Война с христианской точки зрения», в 1924 году «О путешествии в св. Землю», «Критика книги Ренана жизнь Иисуса», в 1927 г. «О сущности содержания Апокалипсиса Св. Апостола Иоанна Богослова», «О религиозно-нравственном и культурном состоянии до Петровской Руси после смутного времени», в 1928 году «Об исповеди», в 1929 г. «О Пушкине», в 1930 году «Старчество и старцы, как продолжатели русской народной культуры» и мн. других. Владыка также принимает широкое участие в русской общественной жизни, предоставляя свое авторитетное имя для тех организаций, которые к нему

обращаются. Так он состоит председателем Общества памяти Государя Императора Николая II, «Русского Комитета», «Парламентской Группы», «Братства Св. Владимира», почетным председателем весьма многих организаций, в том числе, высоким попечителем Института св. Владимира в г. Харбине.

О том, что пришлось пережить Владыке из-за церковной смуты мы в данном очерке не будем касаться, отметим лишь, что его точка зрения о необходимости сохранения самостоятельной и единой Русской Церкви зарубежом нашла свое полное подтверждение в жизни.

Владыка также продолжает свою личную благотворительность, раздавая обращающимся к нему за помощью свои последние гроши. Он также как и в России покровительствует юношеству, будучи всегда окружен молодыми людьми, преданными Церкви Христовой, при чем молодежь эта всегда напоминает Владыке ту светлую эпоху его жизни, когда он воспитывал в академиях юношество.

Обнимая всех своей любовью, Владыка часто бывает совершенно подавлен скорбью о России, глубоко переживая ее несчастья. Владыка стяжал дар умиленных слез, которые постоянно льются из его глаз, как из чаши переполненной благодатью. На своем посту Владыка, как бы сгибаясь под тяжестью своей ноши, потерял способность свободно владеть ногами, но думается, что тем самым Господь сохранил на более долгое время для России и Русского народа его ум и его сердце, которое вмещает в себе всю Россию с ее безграничным горем и ее безграничным величием и верится, что страна, которая дала такого иерарха имеет великое будущее, заключающееся в его бессмертных идеях, которые мало были поняты и применены в России прошлой, но составляют драгоценный нравственный капитал для России будущей.

В заключение скажем, что излюбленным героем Митрополита Антония из русской истории является Патриарх Никон, которого Владыка считает самым гениальным русским человеком, непонятым своим Отечеством. Мало понят в своей многогранной жизни и Владыка Митрополит Антоний. Однако, звезда Владыки Митрополита Антония взошла над русским

горизонтом, когда потерпела крушение Россия прошлая и взору русских людей должна предлежать Россия будущая. Вот Владыка своей жизнью и своими творениями и создал фундамент будущей России, который при всем своем неисчерпаемом богатстве, при всем разнообразии своих идей сводится к единому основанию – всеобъемлющей сострадательной любви, ибо Бог есть любовь.

Не состоя ни в каком служебном отношении к Владыке Митрополиту, мы в течение 12 лет заграничной жизни имели счастье быть к Владыке в непосредственной близости, записывать его мысли, популяризировать в печати его идеи, наслаждаться его мудростью и любовью.

Пусть же эти бледные и несовершенные строки, лишь намечающие основные черты облика великого Архипастыря Русской Земли Блаженнейшего Владыки Митрополита Антония, будут нашей посильной сыновней благодарностью нашему глубокочтимому архипастырю, мудрому и любимому учителю и дорогому отцу.